

Ноль августа

Yulia D

18+

Yulia D

Ноль августа

<https://litres.ru/74460563>

SelfPub; 2026

Аннотация

Июль закончился, но кажется, я что-то забыл.

*Я не носитель русского языка, пишу на основе китайского текста и машинного перевода. Простите, если где-то встречаются неуклюжие обороты или разрывы смысла, буду рада любым ценным замечаниям.

Экспериментальная работа, текст получился крайне неуклюжим, прошу простить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	18
Дополнительные примечания и контекст создания	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Yulia D

Ноль августа

Глава 1

Я смутно почувствовал, что телефон рядом с подушкой вибрирует, и протянул руку, чтобы взять его. Ага, Ника снова мне пишет. Но небо ещё почти не светло. Я посмотрел на время — чёрт, только шесть утра! Сегодня же суббота! В ярости отбросил телефон в сторону, закрыл глаза, пытаюсь заснуть снова, но уснуть никак не получалось. Я снова открыл VK, недовольно ругнулся Нике, шатаясь подошёл к зеркалу, чтобы почистить зубы.

В зеркале отразился невысокий размытый силуэт; потом спутанные, неразличимого цвета волосы. На меня смотрят измученные серокарие глаза — отвратительно! Я испытываю необъяснимую неприязнь к своим глазам. Возможно, это идёт из каких-то воспоминаний юности, но я совершенно не могу их вспомнить.

У меня нет хороших ассоциаций с зеркалами. Когда я учился в средней школе или ещё раньше, однажды отец заметил невытертые брызги крови на зеркале, а потом и раны на моих запястьях. В итоге меня избili, и я чуть не попал в психиатрическую больницу. На зеркале появилось ещё

больше крови — моей носовой. В университете я однажды случайно прочитал сборник эссе китайского писателя. Автор писал, что его духовный наставник Шэнь Цзунвэнь в молодости часто писал, истекая носовой кровью. Я сразу вспомнил себя, вытирающего зеркало под носовым кровотечением, и чуть не расхохотался в библиотеке.

Переодевшись, не позавтракав, я медленно подошёл к лестничной площадке первого этажа. Прохладное утреннее ветерок меня взбодрил. Сегодня первое августа. Июль, который любил Хессе, был убит чередой завтраков, прокатившихся сквозь мою жизнь.

Дверь подъезда похожа на дверь на крышу дома из моего детства. Потёртая стальная дверь, грубая и по непонятной причине вызывающая тепло. Если бы шестнадцатилетний я отворил дверь, перешагнул через ограждение и отпустил руки. Визг ветра, невесомость. $S=1/2gt^2$, когда-то физик это объяснял. Раз, два. Тройки нет. Боли не чувствуется. Я лежу в тёплой крови. Серые ребра пронзают сердце, а затем и такую же серую футболку, словно молодые побеги берёзы весной.

Дует сильный ветер. Я чихнул.

Двадцатипятилетний я, целый и невредимый, стою за дверью подъезда и смотрю, как последние обломки ночи между панельными домами угасают в утреннем летнем свете.

Глава 2

Я познакомился с Вероникой Беловой, когда мне был двадцать один год. Она была на три года моложе меня, моя младшекурсница с того же факультета. У неё короткие волосы, она выше меня ростом, и её пол почти невозможно определить с первого взгляда. Она очень самостоятельная и самобытная личность, почти такая, какими я себе представляю стереотипных бандитов. В средней школе она отлично училась, но рано начала курить и драться. Постоянные тренировки и бейсбол подарили ей красивую мускулатуру. В старшей школе она решительно воспротивилась желанию родителей, чтобы она стала учителем, и для поступления выбрала чисто техническое направление, поступив на факультет информатики. Я однажды пошутил с ней, что после выпуска ей, как и мне, придётся выслушивать упрёки руководителя и разбираться в говнокоде, но она отнеслась к этому совершенно спокойно.

У неё был довольно странный, но строго соблюдаемый режим. После десяти вечера её было невозможно найти, но до семи утра следующего дня она обязательно появлялась в аудитории или лаборатории, чтобы разобраться с оставшимися со вчерашнего дня проблемами. По её мнению, позвать кого-нибудь погулять около шести утра — совершенно обычное дело. Я завидовал ей: она действительно могла управлять

своей жизнью и будущим, а я сам незаметно привык идти по проложенным другими тропам. Сам не знаю почему, я сел на автобус, поехал в супермаркет, купил вещи, в которых, повидимому, не было особой нужды, и вернулся домой.

Небо уже ярко осветлело, заснуть снова было практически невозможно. Я включил компьютер, ещё раз проверил, что отчёт за неделю и все порученные мне неисправности устранены, после чего запустил GTA4. Одна малозначимая клавиша вышла из строя. Клавиатуру мне подарил друг детства. Мы оба подали документы в армию, но я не прошёл медкомиссию. Несколько месяцев назад он погиб от взрыва. Сеть подтормаживала, игра сильно проседала по кадрам. Противник включил микрофон и стал ругаться. Как и ожидалось, мы проиграли. Я выключил компьютер и уставился на чёрный экран. Выходные — это неплохо, но выходные, когда ты абсолютно ничем не занят, или точнее — не знаешь, чем заняться, вызывают растерянность.

Глава 3

В три часа дня я наконецто решил выйти навстречу Нике. По непонятной причине у меня было смутное предчувствие, что случится что-то плохое. Прошлой ночью я сидел на балконе с пивом и смотрел на звёздное небо, полностью скрытое городским светом. Я подумал о своей старой мечте — увидеть «Звёздную ночь» Ван Гога своими глазами. Ван Гог, Хессе — оба сумасшедшие. Мне нравятся сумасшедшие. Не потому ли, что и я сошёл с ума? Я не знаю. Мне было всего шестнадцать. Я молча смотрел на изуродованное тело шестнадцатилетнего себя под окном. А теперь двадцатипятилетний я иду по залитой солнцем улице, хотя ощущение под ногами совершенно нереальное.

Через десяток минут я добрался до спортивного зала. Ника только что закончила игру в бейсбол, на только что надевшей одежде ещё остались следы пота.

— Ого, наконецто пришёл.

— Я и не говорил, что не приду.

— Значит, твоё согласие — это одно слово блядь?

— ...

Если я неправ, спорить с ней мне точно не удастся. Поэтому я молча ждал, куда же она меня отведёт. В итоге мы пришли в кафе. По странному совпадению оно находилось

менее чем в двухстах метрах от супермаркета, где я утром делал покупки.

— То есть ты обрушила на меня сообщения с раннего утра только для того, чтобы просто поболтать?

— Ага, хахахахахаха.

— Ну ладно... я даже не понял, кто из нас ненормальный — ты или я.

Она наконец повернулась ко мне.

— Говоря о ненормальности, — она отпила кофе и начала жевать лёд, — ты выглядишь не очень хорошо в последнее время.

— Да, кажется, я вспомнил коечто плохое. — Хотя я и сказал, что вспомнил, конкретных деталей всё равно нет. Только чувствую, будто из каши подростковых обрывков воспоминаний невидимая огромная рука медленно тащит меня в густую тьму.

— Оо? Не ожидал, что у тебя есть история, — Ника сделала большой глоток кофе. — Расскажи, если хочешь.

И я необъяснимо выложил ей всё. Строгое воспитание в детстве, подростковые травмы, растерянность и страх в университете, бессмысленное однообразие на работе. Она всё сильнее хмурила брови, её механическое помешивание кофе привело к тому, что кусочки льда упали на стол.

Я закончил рассказ и глубоко вздохнул. Часть моей внутренней тревоги словно бетонные глыбы кудато исчезла. На самом деле я сам удивился многим вещам, которые только

что сказал: как я смог рассказать ей то, что не осмелился поведать даже родителям? А её чёрные глаза неотрывно смотрели на меня. Глаза...

— Значит, ты только в средней школе понял, что хорошие манеры и неукоснительное соблюдение правил никак не защищают тебя? Боже, ты словно вырос в стерильной камере.

— Возможно. Если вспомнить, большая часть родительских наставлений была строгой, но бесполезной. По крайней мере, я никогда не применял их в реальной жизни.

— Хмхм, может, в их эпохе это и работало. — Ника допила кофе до дна. — Ну что, сменим тему?

Мы продолжили болтать о всякой всячине. Содержание разговора почти стёрлось сразу после того, как слова слетели с губ, но мне действительно стало легче на душе.

Глава 4

Я снова иду по улице. В голове туман. Улицы, окрашенные закатом в жёлтый и оранжевокрасный, словно растёкшиеся краски для картин, стекают повсюду. Шаг за шагом, то глубже, то мельче, я медленно передвигаюсь по упорядоченным сосудам города. Ника идёт недалеко позади меня, курит сигарету, тоже не спеша. Ветер меняется, дым, пропитанный никотином, плотно закрывает мне лицо. Я без остановки чихаю и случайно наталкиваюсь на человека.

Сперва тот замирает, но меньше чем через две секунды я слышу знакомый голос — голос, который я всю жизнь не хотела больше слышать, и который по логике вещей уже не мог прозвучать.

— Ой, малыш. Годы прошли, а ты всё так же не смотришь под ноги?

Я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с парой глаз. С парой глаз такого же коричневосерого оттенка, как у меня. Глаз, смотрящих на меня с презрением и грубостью.

— Удивлена? — собеседник громко хохочет.

И я вспоминаю, почему ненавижу свои глаза.

Дмитрий Антонов.

Страх и ненависть нахлынули так резко, что я не сразу осознала свои мысли. Воспоминания о побоях и унижениях прокручиваются в голове назад, как плёнка, затуманивая

зрение и слух. Уши гудят — точно так же, как тогда, когда он хватал меня за волосы и бил головой о стену. Мой разум в хаосе. Я не могу понять, почему человек, умерший пять лет назад, стоит на этой улице. Я не слышу удивлённый вопрос Ники: «Это он?». Не вижу, как он подходит к ней: «Да пошла ты. Ой, а кошечкато симпатичная...»

Глухой удар.

Почему этот звук так знаком? О, я вижу. Шестнадцатилетняя я, прижата им к стене. Я вижу свою руку — нет, его руку. Он бьёт меня тяжёлой пивной бутылкой. Я закрываю голову руками. Глухие удары следуют один за другим, всё отчётливее. Сквозь его глаза я вижу глаза шестнадцатилетней себя: испуганные, отчаявшиеся, полные ненависти. Бутылка трескается, разлетается на осколки. Густая кровь брызгает ему на лицо.

Густая кровь постепенно брызгает мне на лицо.

Я резко прихожу в себя.

На изуродованном лице Дмитрия Антонова, в его единственном целом глазу, я вижу отчаявшиеся глаза шестнадцатилетней меня.

Я в шоке поднимаю голову.

Последнее, что я различаю: Ника с бесстрастным лицом убирает окровавленную бейсбольную биту в сумку и говорит мне:

— Беги.

Глава 5

Беги.

Беги!

Я не чувствую своих ног. Картина перед глазами искажается и дрожит, как старая видеокассета прошлого века. Рвущий ветер впивается в лицо, вызывая жгучую боль. В ушах стоит металлический гул — такой звук, если приложить голову к железной трубе, по которой только что сильно стукнули. Чтото тёплое стекает из носа и капает мне в рот, со вкусом ржавчины. Я не думаю о том, что чувствуют прохожие, видя мужчину, бегущего по улице с окровавленным лицом. Я больше не способен думать. Болит голова. Болят лёгкие. Я умираю.

Не знаю, сколько времени прошло, сколько прямых участков, поворотов и лестниц я преодолел. Вокруг внезапно воцарилась тишина. Я словно всплыл, и тьма, подобная приливу, обволакивает меня.

Впервые за двадцать с лишним лет я полностью перестаю думать, паря в безграничной тьме, как прозрачная медуза.

Кто бы ты ни был, пожалуйста, не беспокойте меня.

Хотя бы на мгновение.

Или навсегда...

Когда я снова открываю глаза, я понимаю, что оказался на крыше квартирного дома, где я жил в детстве. Та же ночь без

звёзд. Городские огни почемуто потускнели наполовину, и я догадываюсь, что, возможно, бежал без остановки с сумерек до глубокой ночи. Ника сидит далеко на ограде спиной ко мне

— кажется, курит, я не могу разобрать её силуэт. — Ника!
Вероника Белова! — кричу я и иду к ней.

Фигура не отвечает.

— Ника!!!

— Кто такая Ника?

Фигура поворачивает голову. Я резко вижу его лицо.

Это не Ника.

Нет, я больше не хочу видеть это лицо.

Нет!

Нет, пожалуйста!

Нетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнет-
нетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнет-
нетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнет-
нетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнетнет-
нет

Нетнетнетнетнетнетнетнет

нетнетнет

нет

нет

н

е

т

Шестнадцатилетний я молча смотрит на меня. Его серо-коричневые глаза мерцают в лунном свете красивым и отчаянным блеском, словно кристаллы пепла.

Он — нет, я — ошеломлённо спрашивает:

— Кто ты?

Глядя на него, я внезапно испытываю необъяснимую сильную ярость. Я бросаюсь на него и одним ударом ноги сбиваю с ног. Схватываю его за горло.

Он отчаянно сопротивляется, испуганный взгляд постепенно мутнеет.

— Это я! Будущее тебя, ничтожества!

— Почему ты! Почему был таким трусом!

— Почему ты не сопротивлялся! Почему совершенно не думал о своём будущем!

— Вся моя нынешняя мучительная жизнь — всё из-за тебя!

— Почему, почему ты не умер! Почему ты не исчез!

Внезапно он перестаёт сопротивляться. Какимто образом я разжимаю руки.

Он тяжело дышит и начинает говорить.

Я слышу его хриплый, измученный голос, словно доносящийся изпод воды.

— Ты... это я?

Внезапно он взволнованно отталкивает меня с силой. Я не могу сопротивляться, моя голова резко ударяется о стену. Он злобно наваливается мне на грудь и, подражая мне, сжи-

мает моё горло. Кровь затуманивает мой взгляд. Его рычание доносится то издалека, то близко.

— На каком основании ты упрекаешь меня?

— Ты думаешь, что перестал быть ничтожеством и трусом?

— У меня ещё была возможность изменить своё будущее, но твой шестнадцатилетний образ навсегда остался таким отвратительным!

— Навсегда!!!

Я осознаю, как глупо перекладывать всю вину на шестнадцатилетнего подростка. Что он мог изменить во мне? Но моя постоянная трусость полностью разрушила будущее, на которое он надеялся со страшной болью.

Я закрываю глаза. Возможно, быть убитым собой из прошлого — разве это не своего рода искупление?

Его дрожь усиливается. Наконец его руки безвольно разжимаются. Мы оба, измученные, падаем на землю.

Я вижу его слёзы.

— Хорошо, возможно, — бормочет он, опираясь на меня,

— ты прав. Если я исчезну, тебе действительно станет жить лучше.

Механически он поднимается с моего полуживого тела и шатаясь подходит к ограде крыши.

— Прости, прости, прости. Я давно понял, что мне не следовало существовать.

— Желаю тебе счастья.

Я резко вскакиваю с земли и, преодолевая острую боль от разрыва рёбер, крепко обнимаю его. Он замирает. Мы оба теряем равновесие и падаем в безграничную ночь.

Один.

Граница между сном и реальностью окончательно разрушается.

Два.

Я крепко прикрываю его голову руками.

Три...

Острая боль, которую я множество раз переживал во сне, распространяется от позвоночника к сердцу. Я хочу что-то сказать, но кровь, хлынувшая из лёгких, затыкает мне рот.

Его хриплый, прерванный голос витает в воздухе.

— Почему ты...

Я медленно провожу рукой по его спине. Что-то выходит сквозь одежду — его ребро пронзило грудную клетку.

— Прости, мальчик. — Сплюнув кровь изо рта, я понимаю, что тоже плачу. Впервые за все эти годы я заплакал. — Я больше ничего не должен тебе.

Он крепко обнимает меня, и я обнимаю его. Мой шестнадцатилетний я никогда не имел — и не надеялся на — такое объятие. Теперь мы наконец в расчёте друг с другом.

Я глажу его волосы, мой голос почти не слышен. — Пойдём. Уйдём из этого абсурдного мира.

Он слегка кивает, но я уже ничего не чувствую.

Глава 6

Тьма. Теплая, бесконечная тьма.

Прошло оченьочень много времени — может быть, несколько часов, дней или столетий. Я затуманенно открыл глаза.

Ещё не рассвело. Я сел с пола, разминая больную, онемевшую шею. Мой мозг был в полном беспорядке. Возможно, мне приснился оченьочень долгий сон, и его содержание я совершенно забыл. Во сне, казалось, был кто-то из моей юности, а также лицо незнакомой мне однокурсницы, которая умерла в автокатастрофе две недели назад.

Я шатаюсь поднялся на ноги и постепенно вспомнил своё имя, прошлое и незавершённую работу. По какой-то причине я верю, что однажды я обязательно вспомню содержание этого сна, где бы я ни был, в каком бы далёком времени и пространстве.

Гнилой, обветшавший небо падает, накапливаясь в безграничное болото. А судьба — это тонкая игла, стоящая посреди него. Мы вместе со всем окружающим миром пляшем на острие иглы; если мы упадём, то уже не воскреснем. Возможно, всё это лишь мимолётные блики в чьём-то долгом сне, а может, и нет. Но кому какое дело? Однако мой телефон слегка завибрировал: уже шесть утра.

Сегодня первое августа. Ещё один месяц незаметно про-

шёл.

Я отодвинул штору, и утренний свет тихо проник в комнату. Возможно, это хорошее — или не очень хорошее — начало.

Дополнительные примечания и контекст создания

Сэн Чунвэн писал свои произведения, и у него шла носовая кровь. Это рассказано в очерке Ван Цэнци «Звёзды в его писаниях, искренность в его душе». «В молодости он часто писал днём и ночью. У него часто шла носовая кровь. У него была плохая свёртываемость крови, и кровотечение было трудно остановить, это было пугающе. Иногда он писал ночью и даже терял сознание, упав в луже собственной носовой крови, и его находили только на следующий день. Я сам своими глазами видел его рукописи со следами носовой крови».

Повествовательная логика этого текста довольно запутанная, приношу свои извинения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.